

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

«Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

### «Принципиально и настойчиво»

В своей редакторской работе Н.М. Карамзин выступал и критиком, и литературным консультантом, и учителем литературного мастерства. Наряду со стилистическими и словарными замечаниями Николай Михайлович высказывал общие оценки произведения и принципиальные взгляды на литературу. Карамзин не ограничивался чисто субъективной и эмоциональной оценкой произведений. Он пытался осознать свои оценки теоретически, рассматривая критику и эстетику, по возможности, как строгую науку: *«эстетика есть наука вкуса»*.

«Первыми нашими критиками были Карамзин и Макаров. Критика эта состояла в восхищении отдельными местами и в порицании отдельных же мест, и то больше в стилистическом отношении. Обыкновенно восхищались удачным стихом, удачным звукоподражанием и порицали какофонию или грамматические неправильности».

В.Г. Белинский, литературный критик, публицист

«Литературная критика – один из видов литературного творчества, оценка и истолкование художественного произведения, а также явлений жизни, в нем отраженных» (ЛЭС. – Москва, 1987. – С. 169). Критические суждения о литературе возникли одновременно с ее рождением: первый читатель был и первым критиком. Уже в эпоху античности критика стала особым профессиональным занятием, и в последующие периоды истории упадок или расцвет критических жанров находился в прямой зависимости от перипетий общественно-политической жизни, активности и писателей, и читательской аудитории

Критическая деятельность Николая Михайловича Карамзина связана с тремя журналами, издателем или редактором которых он состоял: «Московский журнал», «Аглая», «Вестник Европы». Опубликованными в них статьями и рецензиями Карамзин, по мнению В.Г. Белинского, «много способствовал к очищению и утверждению вкуса публики».

Появление специального критического отдела в «Московском журнале» вытекало из убеждения Н.М. Карамзина, что критика помогает развитию литературы. Критика, по мысли Николая Михайловича, должна была учить вкусу, требовать от авторов усидчивого труда, воспитывать чувство гордости художественными достижениями и пренебрежение к рангам. Но в понимании

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

Карамзина эпохи «Московского журнала» критика — это прежде всего рецензия. Рецензент ставил перед собой две цели. Во-первых, популяризировать идеи новых сочинений, широко информировать читателя. Руководить чтением читателя, утверждает Карамзин, — это одна из важнейших задач критика. Подобному рецензированию подвергались прежде всего иностранные книги. Во-вторых, задача рецензента — учить автора. Большая часть рецензий, посвященных русским книгам, носила откровенно поучительный характер.

Вместо кратких рецензий-аннотаций, существовавших прежде в русской журналистике, Карамзин стал публиковать рецензии, содержащие краткий разбор, пересказ и оценку литературных произведений; оценка подкреплялась пространными цитатами. «Впервые в истории русской журналистики Карамзин в «Московском журнале» хорошо поставил отдел литературной критики и библиографии и сделал постоянным отделом театральную критику. <...> На критико-библиографических материалах «Московского журнала» расширялся умственный кругозор, развивалось нравственное и эстетическое чувство читателей, воспитывался их вкус, способность к пониманию изящного, усваивались и закреплялись стилистические и языковые нормы литературной речи. Даже самый прием пересказа анализируемого произведения, присутствующий во многих литературных и театральных рецензиях Карамзина, служил средством просвещения и воспитания читателей» — пишет о карамзинской критике современная исследовательница.

«Московский журнал» (1791—1792) Н.М. Карамзина стал первым «настоящим» русским литературно-критическим журналом. Под его пером критические статьи и рецензии стали не только плодами ума, но и созданиями искусства. В XIX и XX веках русская критика станет очень непохожей на критические трактаты и статьи «осьмнадцатого столетия». Лишь статьи и рецензии Карамзина напоминают размышления и разборы, создававшиеся авторами позднейших времен.

Критические выступления Карамзина в «Московском журнале» расчищали дорогу новому направлению — сентиментализму. Рецензий на русские книги в журнале мало. Но характерно, что, оценивая произведения своего времени, Карамзин прежде всего отмечает как их существенный недостаток отсутствие верности, точности в изображении поведения героев, обстоятельств их жизни. Проявляя интерес к внешней обстановке действия и этим в корне противореча кутузовской эстетике, Карамзин писал: «...кажется мне, что в пьесе надлежало

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

*бы многое переменить, когда господину переводчику непременно хотелось одеть ее в русское платье <...> У Зланета сгорел овин. «Это хорошо, говорит он, я давно не строился; надо будет заплатить работникам, но бедные люди этим хлеб промышляют». У наших дворян строят овины собственные их крестьяне, которым они ни за что не платят <...> Зланет, лишась детей своих, хочет жить во всем умереннее и дает людям отпускные. Тут также видно что-то не русское. Если бы у нас обеднел дворянин, то он продал бы своих слуг или отпустил бы их с паспортами, т. е. на время, а не навсегда». Своеобразным обобщением позиции Карамзина-критика является его утверждение: «Драма должна быть верным представлением общежития».*

Николаю Михайловичу была близка позиция Руссо по этому вопросу, который в романе «Эмиль, или О воспитании» специальную главу посвятил роли путешествия в познании объективного бытия народов. «Письма русского путешественника» самого Карамзина, печатавшиеся тогда же в «Московском журнале», рисовали не только портрет души их автора — читатель нашел в них объективную картину общества, точные сведения о культуре, социальной жизни нескольких европейских стран, реальные биографии известных писателей, множество конкретных сведений и точных фактов. В статье «Несколько слов о русской литературе» Карамзин, может быть, полнее и определеннее всего выразил свою позицию по этому вопросу: «Я видел, — писал он, — первые нации Европы, их нравы, их обычаи и те мельчайшие черты характера, которые складываются под влиянием климата, степени цивилизации и, главное, государственного устройства». В этой же статье Карамзин рекомендует иностранному читателю «Письма...» как сочинение русской литературы, которое позволяет «судить о том, как мы видим вещи, как пишем и как изучаем создания словесности», то есть рекомендует как образец новой русской литературы.

Герой «Писем русского путешественника» посетил три важных европейских государства; отдел «О иностранных книгах» в «Московском журнале» тоже складывается из сообщений о литературе Германии, Франции, Англии.

К началу 90-х годов XVIII века у Н.М. Карамзина уже сформировалось определенное мнение о каждой из названных трех европейских литератур, а к концу десятилетия эти взгляды сложились в систему. Материалы в «Московском журнале», в альманахах «Аглая» и «Аониды», в «Пантеоне иностранной словесности» позволяют проследить своеобразную эволюцию критических

## **«ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»**

---

### **«Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик**

взглядов Карамзина на творчество отдельных европейских авторов, а также становление жанровых форм его критики.

Наиболее ярко критическая эволюция Карамзина отразилась в «Письмах русского путешественника» – произведении с интересной творческой судьбой, которое писалось и публиковалось автором в течение десятилетия.

Лучше всего Карамзин знал немецко-швейцарскую литературу, чему способствовало образование, полученное в пансионе Шадена, а также общение с московскими масонами и работа в журнале Н.И. Новикова, где начинающий литератор занимался переводами немецких авторов. Бурно развивающаяся словесность Германии, одухотворенная идеями Просвещения, наиболее полно отвечала эстетическим взглядам Николая Михайловича. Поездка по Европе ещё более укрепила эти взгляды, а также расширила и углубила представления Карамзина о немецкой словесности.

В «немецкой» части «Писем русского путешественника» выстраивается целая портретная галерея наиболее авторитетных для Карамзина представителей этой литературы. Художественная форма произведения помогала автору ярче представить своих героев, не только рассказать о них, но и «показать» живыми людьми, с достоинствами и недостатками. Путешественник настойчиво стремится к личным встречам с немецкими авторами. Психологический портрет – важная составляющая часть творческого портрета писателя в критических размышлениях Карамзина. Творчество освещается как бы через призму личностей. Так обрисованы в «Письмах» Виланд, Гердер, Рамлер, Мориц и другие.

Достижения немецкой литературы русский автор ставит в прямую зависимость от уровня культуры германского общества, от постановки книжного дела в этой стране; от роли критики в словесном искусстве, от развитости форм этой критики. Николай Михайлович дает читателям «Московского журнала» возможность знакомства с лучшими представителями этого вида творческого труда в немецкой литературе – переводит и публикует статьи швейцарского писателя и критика Леонарда Мейстера о Клопштоке, Геснере и Виланде, выбранные им из «Характеристик немецких поэтов». Подбор и редакция этих очерков связаны с эстетическими взглядами Карамзина и проблемами его творчества. Кроме того, выбор именно этих портретов из «Характеристик» Мейстера свидетельствует об умении Карамзина исследовательски подходить к материалу: ему нужно было дать своему читателю глубокое и по возможности полное представление о состоянии современной литературы Германии и ее

## **«ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»**

---

### **«Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик**

ближайшего прошлого. Выбранные им три портрета из «Характеристик» эту задачу решают: русский читатель узнает о создателе национальной эпопеи Германии Клопштоке; о новаторстве Геснера в жанре идиллии; судит о достижениях современной немецкой литературы по характеристике творчества Виланда.

Русский издатель сопровождает публикации этих переводов в «Московском журнале» своими критическими добавлениями, комментариями к сказанному Мейстером – словом, «соучаствует» в них.

В «содружестве» с анонимным немецким критиком, рецензентом сочинения профессора Гроддека «О сравнении древней, а особливо Греческой, с Немецкою и Новейшею литературою», Карамзин предлагает своим читателям разобраться в такой сложной проблеме, как отношение современной культуры к классическому наследию. Русский издатель в данном случае выступает пропагандистом идеи Гердера об историческом развитии и преемственности жанров литературы, о непреходящей ценности наследия прошлого в развитии культуры настоящего.

Среди немецких драматургов русский критик особенно выделяет Лессинга, Шиллера, Гете, Коцебу, хотя эти авторы в теории и на практике драматического искусства существенно отличались друг от друга. Карамзин ощутил и отразил в своих критических рассуждениях о творчестве этих немецких авторов общее эстетическое начало, объединяющее драматургов: все они разрабатывали, каждый по-своему, шекспировские традиции в собственном творчестве. В центре его рассуждений всегда главный герой, часто – только один его поступок, один эпизод из пьесы. Однако посредством анализа самого главного критику удается не только дать глубокое психологическое обоснование конфликта драмы, но и ознакомить своих читателей с сюжетом произведения, с другими персонажами. (Впечатления от пьесы Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние»; отзывы о трагедиях Шиллера «Дон Карлос» и «Заговор Фиеско в Генуе»).

Театрально-критическая статья Карамзина на спектакль «Эмилия Галотти», по пьесе Лессинга – это пример «психологической» рецензии критика. В 1788 г. трагедия вышла в переводе Николая Михайловича. Через четыре года он выступил в «Московском журнале» с большой критической статьей, посвященной постановке «Эмилии Галотти» на русской сцене. Трагедия привлекала критика тем, что драматург, раскрывая интимную жизнь своих героев, показал в то же время, что человек не может отделиться от общества, от социальных и политических обстоятельств, его окружающих, что счастье не внутри человека, а

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

зависит и от законов, и от действий монарха. Анализируя трагедию, Карамзин прямо заявляет, что упование героя ее Одоардо на справедливость монарха иллюзорно: *«Какие же средства оставались ему спасти ее (дочь свою Эмилию)? К законам прибегнуть там, где законы говорили устами того, на кого бы ему просить надлежало?»* Ценя Лессинга за глубокое «знание сердца человеческого», Карамзин с одобрением говорит о том, как обстоятельства заставляют Эмилию *«языком Катона говорить о свободе души»*. Карамзин подводит читателя к мысли о праве личности на сопротивление, правда, на пассивное, но все же сопротивление тирану и вообще всякому, кто *«другого человека приневолить хочет»*. С одобрением критик приводит слова Одоардо: *«Кажется, что я уже слышу тирана, идущего похитить у меня дочь мою. Нет, нет! Он не похитит, не обесчестит ее!»* Спасаясь от насилий тирана, Одоардо закалывает свою дочь. Именно за это хвалит Карамзин трагедию, считая ее *«венцом Лессинговых драматических творений»*.

В процессе своего «психологического расследования» критик подводит своего читателя к убеждению, что это преступление было неотвратимо для Одоардо, что он шел к нему долго и мучительно. Игру актеров и степень их таланта критик также оценивает по их умению постигать характеры героев пьесы и воплощать их на сцене.

Оценка не только немецкой, но и всей европейской драматургии у Карамзина подчинена «шексперизации» театрального искусства. Шекспир был для него не просто любимым автором, а неким художественным критерием эстетических ценностей.

Интерес к Шекспиру был проявлением общеевропейского литературного процесса, когда в переходный от классицизма к романтизму период в своих творческих исканиях авторы обращались к писателям минувших эпох. Так, заново был «открыт» на Западе Вильям Шекспир. В его творчестве писатели видели великий образец искусства естественного и правдивого. Одним из самых пылких почитателей и активным пропагандистом творчества и художественных принципов Шекспира в России был Н.М. Карамзин. В заслугу Шекспиру он ставил смешение разных стилей, единственно по «правилам» самой природы. *«С равным искусством изображал он и героя и шута, умного и безумца»*. Его драмы, как и сама природа, исполнены *«многообразия»*, и все вместе *«составляет совершенное целое»*.



## **«ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»**

---

### **«Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик**

«Письма русского путешественника» отражают также процесс познания и открытия Карамзиным французской литературы, а материалы «Московского журнала» свидетельствуют о всё усиливающемся интересе русского писателя к этой словесности, о которой он, по его же признанию, не имел прежде достаточного представления. В разделе «О иностранных книгах» русский автор с одобрением отзывается о нравоучительной прозе ряда писателей, а в художественной части «Московского журнала» издатель знакомит читателя с некоторыми их сочинениями.

Своеобразную эволюцию испытал Карамзин-критик во взглядах на классика французской литературы Вольтера. Резкая оценка Вольтера в предисловии к переводу трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» сменилась желанием разобраться в противоречиях личности и творчества великого мудреца.

В своих критических размышлениях о Вольтере писатель обращается к различным сторонам его творчества, наиболее часто – к жанру трагедии, постепенно убеждаясь, что лучшие произведения французского автора в этом жанре часто оказывались за пределами эстетических требований классицизма. Раньше многих отечественных вольтероведов Карамзин пришел к пониманию шекспировских традиций в творчестве патриарха французской литературы. Это заставило Карамзина, чрезвычайно ответственно и критично относившегося к собственному творчеству, внести изменения в некоторые свои ранние суждения о французском авторе. (Так, в окончательном варианте «Писем» их автор заменил резкое противопоставление трагедии Шекспира «Отелло» «Заире» Вольтера попыткой сопоставления этих сочинений и их авторов, а также смягчил критику в адрес Вольтера).

Во время поездки по Европе у Карамзина вновь обостряется интерес к Руссо, но уже как автору «Исповеди». (Более сдержанно оценивал русский писатель Руссо – творца «Новой Элоизы», признав превосходство Гете в разработке этой темы и жанра). В последнем произведении Руссо глубокий психологизм был соединен с предельной откровенностью жизнеописания. Мнения современников об этой книге разделились. Poleмика по поводу «Исповеди» шагнула далеко за пределы Франции. Русский писатель Н.М. Карамзин не сразу понял, но в конечном итоге принял и высоко оценил новый способ изображения человеческого характера (в суетных страстях, в противоречиях человек выглядел ещё убедительнее и интереснее).

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

Карамзин подробно знакомит русских читателей с драматургией Франции конца XVIII века. Представление о театрально-критических взглядах Карамзина складывается из его зрительских европейских впечатлений, отраженных в «Письмах русского путешественника»; из его рецензий на спектакли Московского театра, поставленных преимущественно по пьесам французских авторов, а также из переводных театральных статей, взятых из французских изданий.

В журнале издатель и критик разворачивает пропаганду жанра литературно-художественного путешествия, прежде всего, в связи со своей работой над «Письмами русского путешественника». Карамзин тщательно ведет учет всех разнообразных литературных путешествий, очень популярных в эти годы в Европе; публикует информацию о них, мнения европейских рецензентов, переводы отрывков.

Высказывания Н.М. Карамзина о европейской словесности заслуживают право на существование не только в системе литературно-критических взглядов самого писателя, но и в вопросе восприятия европейской литературы в России конца XVIII века. Кроме того, отдельные критические мнения и оценки Карамзина (например, о драматургии, о творчестве Вольтера, о Шекспире) сохраняют свою практическую значимость и эстетическую ценность для современного литературоведения.

Одной из первых русских книг, отрецензированных Карамзиным в «Московском журнале», было отдельное издание поэмы М.М. Хераскова «Кадм и Гармония». Пересказав ее содержание, обратив внимание на достоинства, рецензент осторожно отмечает ее несовершенства, ошибки и «неисправности». Рецензируя «Кадма и Гармонию», Николай Михайлович в очень корректной форме (как редактор, он очень дорожил сотрудничеством М.М. Хераскова) указал на необходимость соблюдения исторической правдоподобности: *«Рецензент, читая Кадма, при многих местах думал: «Это слишком отзывает новизною. Это противно духу тех времен, из которых взята басня».*

Большинство рецензий о русских книгах посвящено переводам на русский язык иностранных сочинений. В них главное внимание уделяется качеству перевода. Подобные рецензии новое и интересное явление в истории русской критики, они наглядно учили вкусу, преподавали урок стилистики. Проблема перевода в высказываниях русского писателя возникла из просветительского убеждения, что для взаимосвязи русской и европейских литератур необходимо было представить русской образованной публике лучшие достижения мировой



## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

словесности в адекватном, фактически в художественном воплощении. Поэтому Карамзин, приветствуя переводы, требует от них стилистической грамотности и высокого художественного уровня.

Будучи единственным издателем и одновременно главным сотрудником журнала, Карамзин работал весьма напряженно. Готовя отдел рецензий, он помещал и переводные материалы. Однако их сравнительно немного: если не считать особой рубрики «Парижские спектакли» (переводы из французского журнала), то во всех восьми частях (двадцати двух книгах) «Московского журнала» оказывается всего шесть переводных рецензий.

Естественно, что условия работы не позволяли Карамзину одинаково подробно рассматривать каждую рецензировавшуюся им книгу. Иногда он, подобно своим предшественникам, стремился прежде всего обратить внимание читателя на ту или иную книжную новинку. В других случаях он обстоятельно рассматривал произведение, анализируя слог, предлагая свои варианты и т. д.

Отбирая книги для рецензирования, Карамзин, конечно, обращался в первую очередь к художественной литературе. Однако его интересы были достаточно широки, поэтому неудивительно, что в «Московском журнале» появились рецензии на такие книги, как «Всеобщая и частная естественная история» Ж.-Л. Бюффона в переводе С.Я. Румовского и И.И. Лепехина (СПб., 1789) или «Аль-Коран Магомедов» (СПб., 1792). Эти рецензии непосредственно продолжают традиции, уже сложившиеся в русской критике: критерий «пользы» сохраняет здесь для Карамзина все свое значение. Он охотно подчеркивает познавательный интерес рассматриваемых им сочинений. *«Всякой россиянин, любящий просвещение своего отечества, должен радоваться, что полезное и в своем роде единственное сочинение переводится на русский язык»*, – писал он об «Истории» Бюффона.

Одновременно рецензента серьезно занимал вопрос о выработке научной отечественной терминологии. Он отмечал *«ясность и гладкость слога»* как *«важное достоинство»* перевода и вместе с тем обращал внимание на *«сомнительные места»*, стремясь найти более точные, с его точки зрения, эквиваленты французским выражениям. Так, не боясь заимствований, уже входивших в русский язык, он предлагал вместо слова «статьи» — «классы» (в оригинале — «classes»), вместо «ископаемые» — «минералы» (в оригинале — «mineraux») и т. д.

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

Стремление к объективному и всестороннему анализу проявилось в большинстве рецензий «Московского журнала». Иногда, правда, Николай Михайлович позволял себе иронические и даже несколько язвительные выпады, рассматривая заведомо слабые в художественном отношении произведения или изобилующие ошибками переводы.

Рецензируя русский перевод книги «Опыт нынешнего естественного, гражданского и политического состояния Швейцарии, или Письма Вильгельма Кокса <..> Аглинское сочинение» (М., 1791. Ч. 1—2. Перевод В. Раевского), Карамзин заявлял: *«Надлежало бы примолвить, с какого языка переведено сие сочинение. Можно, кажется, без ошибки сказать, оно переведено с французского; но на что заставлять читателей угадывать? — Некоторые из наших писцов, или писателей, или переводчиков — или как кому угодно будет назвать их — поступают еще непростительнейшим образом. Даря публику разными пиесами, не сказывают что сии пиесы переведены с иностранных языков. Добродушный читатель принимает их за русские сочинения, и часто дивится, как автор, умеющий так хорошо мыслить, так худо и неправильно изъясняется. Самая гражданская честность обязывает нас не присвоивать себе ничего чужого: ни делами, ни словами, ни молчанием».*

Практика публикаций переводов без указания источника существовала на протяжении всего XVIII века, и в этом не было еще принято видеть что-то предосудительное. Поэтому высказывание Карамзина знаменовало принципиально иной подход к проблеме авторства: речь шла и об авторских правах, и об ответственности за печатное слово. Кроме того, Карамзин настаивал на том, что перевод должен осуществляться с наиболее авторитетного издания. Соответствующий упрек он сделал и переводчику книги В. Кокса (В. Раевскому), который пользовался не последним изданием, «исправленным и умноженным». Таким образом, в рецензиях Н.М. Карамзина обнаружился новый, несравненно более высокий, по сравнению с его предшественниками, уровень филологической культуры.

Рецензируя переводные книги, Николай Михайлович обычно стремился разграничить характеристику оригинального сочинения и оценку перевода. Характерна в этом отношении рецензия на книгу «Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов» — перевод с французского первой части известного романа С. Ричардсона (СПб., 1791. Ч. 1. Перевод Н.И. Осипова, П. Кильдюшевского). Восхваляя Ричардсона как *«искусного живописца моральной природы человека»*,

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

Карамзин видит главное достоинство романа в том, что здесь проявилось *«отменное искусство в описании подробностей и характеров»*. Произведениям, наполненным *«чудесами и «сладострастными картинами»*, критик противопоставляет английский сентиментально-нравоучительный роман, в котором описываются *«самые обыкновенные сцены жизни»*. В этом Карамзин продолжает традицию, наметившуюся в русской литературе и критике уже в 1780-ые годы, связанную с переориентацией на английский роман, в котором *«происшествия»* изображаются *«так, как оные случаются в общежитии, всякого романического и сильного напряжения»*.

Принципиально новой в рецензии Карамзина была поставленная им проблема характеров персонажей. Особое внимание он уделил характеру Ловеласа, *«в котором видим такое чудное, однако ж естественное смешение добрых и злых качеств — Ловелас, иногда благородный и любезный, иногда чудовище»*. Карамзина привлекает опыт создания сложного, противоречивого образа, более жизненного, чем однолинейные персонажи в литературе классицизма — либо положительные, либо отрицательные. Статья Н.М. Карамзина стала зерном целой теории характеров. Термин «характер» обозначает здесь не просто душевный строй человека, а особенность сложной души, сотканной из противоречий.

Размышления Карамзина-критика нашли непосредственное отражение в его собственной литературной практике, прежде всего в знаменитой повести «Бедная Лиза» (1792): *«чувствительная»* Лиза и добрый, но легкомысленный Эраст — это характеры, представляющие известную параллель героям Ричардсона: *«добронравной, нежной, благодетельной и несчастной Клариссе»* и совмещающему в себе столь разные качества Ловеласу.

Значительная часть рецензии посвящена рассмотрению перевода. Критик вновь с сожалением говорит о том, что переводчик вводит в заблуждение читателей, не указывая, с какого языка переведен роман (не с английского оригинала, а с французского перевода). Отметив целый ряд грубых ошибок и неточностей, рецензент решительно возражает против ориентации переводчиков на *«славяномудрие»*. *«Девушка, имеющая вкус не может ни сказать, ни написать в письме колико»*, — заявляет Карамзин, отвергая славянскую форму не только как архаичную, но и как не соответствующую языку героини.

К критическим работам Карамзина периода «Московского журнала» примыкают две статьи, написанные зимой и весной 1793 года, — «Что нужно

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

автору» и «Нечто о науках, искусствах и просвещении». Опыт рецензента подсказал Карамзину необходимость определить те требования, которые должно предъявлять к произведению и, следовательно, к его автору. *«Слог, фигуры, метафоры, образы, выражения — все сие трогает и пленяет тогда, когда одушевляется чувством»*. Но чувства обуславливаются общественной позицией автора. Каковы убеждения писателя, таковы те чувства, которые он внушает читателю, потому что автору нужны не только талант, знания, живое воображение, но *«ему надобно иметь и доброе, нежное сердце»*. Здесь Карамзин и формулирует свое знаменитое требование: писатель *«пишет портрет души и сердца своего»*.

Признав, вслед за просветителями, что не сословная принадлежность определяет ценность человека, а богатства его внутреннего, индивидуально неповторимого мира, Карамзин тем самым должен был решить для себя — что же отличает одного человека от другого, в чем же выражает себя личность. Еще юношей Карамзин задумывался над вопросом — что такое душа? Ведь свойства души и должны составлять особенные, неповторимые качества личности. Опыт научил Карамзина, и многое ему открылось. В 90-е годы он уже знает, что главное в личности, в ее душе — это способность *«возвышаться до страсти к добру»*, *«желание всеобщего блага»*. Как видно, для Карамзина важны общественные интересы личности. Писатель тоже индивидуально неповторимая личность, и ему по роду деятельности тем более должно быть свойственно *«желание всеобщего блага»*. Такая душа не отделяет его от мира людей, но открывает путь *«в чувствительную грудь» «всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему»*.

В научной литературе уже давно утвердилось мнение, что в период издания «Вестника Европы» Карамзин отказался от критики. Основанием для подобного мнения служит предисловие к журналу, в котором Карамзин писал: *«Но точно ли критика научает писать, не гораздо ли сильнее действуют образцы и примеры»*. Только по недоразумению можно выдать данные слова Карамзина за отрицание важности и значения критики для литературы. Из всех выступлений Карамзина в новом журнале ясно, что он отказывается не от критики, но от рецензий того типа, которые он писал в «Московском журнале».

Вместо рецензий Карамзин в «Вестнике Европы» стал писать серьезные статьи, посвященные насущным задачам литературы, — о роли и месте литературы в общественной жизни, о причинах, замедляющих ее развитие и

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

появление новых авторов, о языке, о важности национальной самобытности литературы и т.д. Статьи Карамзина в «Вестнике Европы» поднимали критику на новую ступень: от отдельных и частных замечаний по поводу рецензируемых книг критик перешел к изложению строго продуманной, принципиально новой программы развития литературы. Литература, утверждал теперь Карамзин, *«должна иметь влияние на нравы и счастье»*, каждый писатель обязан *«помогать нравственному образованию такого великого и сильного народа, как российский, развивать идеи, указывать новые краски в жизни, питать душу моральными удовольствиями и сливать ее в сладких чувствах со благом других людей»*. Карамзин, как видно, умел чутко улавливать потребности времени, понимать запросы читателя.

В ряде статей «Вестника Европы» Карамзин изложил свою позитивную программу развития литературы. *«Великий предмет»* словесности — забота о нравственном образовании русского народа. В этом образовании главная роль принадлежит патриотическому воспитанию. Новые задачи и новые темы, которые выдвигал перед писателями Карамзин, требовали, естественно, и нового языка. Он призывает авторов писать *«простыми русскими словами»*, отказываться от прежней ориентации на салон, на вкусы дам, утверждая, что русский язык по природе своей обладает богатейшими возможностями, которые позволяют автору выразить любые мысли, идеи и чувства: *«Оставим нашим любезным светским дамам утверждать, что русский язык груб и неприятен»*. Писатели, считает Карамзин, *«не имеют такого любезного права судить ложно. Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой, живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности. Он богаче гармониею, нежели французский, способнее для изливания души в тонах, представляет более аналогических слов, то есть сообразных с выражаемым действием: выгода, которую имеют одни коренные языки!»*

Программа развития литературы, предложенная Карамзиным-критиком, отвечала насущным потребностям нового времени. С первых лет XIX столетия перед литературой встала проблема национальной самобытности и народности. Она была поднята еще в прошлом веке, у ее колыбели стояла идеология Просвещения. В XIX веке идеи народности получили дальнейшее и глубокое развитие в творчестве И.А. Крылова. Одновременно с Крыловым в литературе действовала группа молодых писателей, связанных с просветительской



## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

идеологией прошлого века (Н.И. Гнедич, А.Ф. Мерзляков, В.Т. Нарезный и др.). Во многом отличаясь от баснописца — и степенью демократизма и, главное, масштабом таланта, они, каждый по-своему, решали тот же круг проблем, что и Крылов. Девизом новой эпохи стало требование самобытности литературы,

Призыв Карамзина обратиться к истории и в ней искать ключ к самобытности литературы и искусства был встречен литературной общественностью того времени с воодушевлением. В журнале передового литератора И. Мартынова, связанного с сыновьями Радищева, Гнедичем и Батюшковым, немедленно появился отклик, принадлежавший Александру Тургеневу. Приветствуя статью анонима (как многие другие критические статьи Карамзина, статья «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» была опубликована без подписи), Тургенев в то же время пытался расширить круг сюжетов, оспорить некоторые из предложенных «Вестником Европы».

В 1818 году Карамзин в связи с принятием его в члены Российской академии произнес речь на торжественном ее заседании; эта речь явилась его последним большим критическим выступлением. В речи много официального, обязательного, даже парадного. Но есть в ней и собственно карамзинские мысли о задачах критики в новых условиях и о некоторых итогах развития литературы по пути самобытности.

В заключение речи Карамзин говорил об особенных чертах русского национального характера, который складывался в течение веков, и о необходимости изображения этого характера писателями. Оценивая литературу за полтора десятилетия XIX века, Карамзин оптимистически смотрит на ее дальнейшее движение по пути народности. *«Великий Петр, изменив многое, не изменил всего коренного русского: для того ли, что не хотел, или для того, что не мог, ибо и власть самодержцев имеет пределы»*, — таков первый исходный тезис Карамзина. *«Сходствуя с другими европейскими народами, — продолжает он свою мысль, — мы и разнствуем с ними в некоторых способностях, обычаях, навыках, так что хотя и не можно иногда отличить россиянина от британца, но всегда отличим россиян от британцев: во множестве открывается народное»*. Сразу вслед за этим Карамзин дает свое определение народности литературы: *«Сию истину отнесем и к словесности: будучи зеркалом ума и чувства народного, она также должна иметь в себе нечто особенное, незаметное в одном авторе, но явное во многих... Есть звуки сердца русского,*



## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

*есть игра ума русского в произведениях нашей словесности, которая еще более отличится ими в своих дальнейших успехах».*

Н.М. Карамзин писал стихи относительно недолго – около полутора десятилетий. Остаток жизни он почти целиком посвятил созданию своего главного труда – «Истории государства Российского». Естественно, на период его поэтического творчества приходится и создание большинства статей, в которых он определял свое понимание поэзии и давал характеристики отдельным поэтам. Первую из критических статей – «О сравнении древней, а особливо греческой, с немецкою и новейшею литературою» – Карамзин опубликовал в 1795 г. Не может не впечатлять самостоятельность и глубокая теоретичность мышления молодого автора, воспитанника эпохи, в которой складывалось убеждение, что Античность навсегда сохранит значение нормы и недостижимого образца, к которому можно лишь в какой-то степени приблизиться. Подход Карамзина оказался свободен от какой-либо предвзятости и односторонности. Особое внимание обращают на себя историзм его мышления и ориентация на полноценный учет национального своеобразия разных литератур. Он ставит вопросы: *«Можно ли так точно сравнивать древнюю литературу с новою? А если должно, то какие будут главные пункты сего сравнения? <...> Точно ли творения древних в словесных науках могут быть для поэта и оратора такими верными образцами, как правила Поликлетовы для художника? Не есть ли красота и совершенство нечто весьма относительное или, лучше сказать, нечто такое, чего во всей чистоте не найдешь ни у какого народа и ни в каком сочинении?»* Карамзин объясняет, что совершенство не есть вечное и вневременное понятие, что вкус, т.е. само представление о прекрасном, подвергается изменениям. Новая поэзия не может и не должна копировать древнюю, ибо различны *«обстоятельства, в которых образовалась поэзия древних и наша поэзия <...> Гомер беспримерен и неподражаем для того, что он писал и пел в сих обстоятельствах».*

Следующее, что определяет отличия новой поэзии от древней, прозорливо определено Карамзиным как *«национальный дух»*. И наконец, *«различности цели»*: у древних, по Карамзину, *«образование и просвещение»*, у нас – *«удовольствие и забава»*. Таким образом, *«великость древних происходит не от большой силы духа их, но от обстоятельств внешних»*. Не подражать древним призывает критик, а *«у них, или, лучше сказать, посредством их, выучиться»*.

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

Поэзия, ее свойства и место в жизни были постоянным предметом раздумий Карамзина, и как объект осмысления переходили из одной статьи в другую. Полемизируя с Руссо, утверждавшим, что спартанцы не знали ни наук, ни искусств, он напоминал, что именно «священная поэзия» подготовила появление законов Ликурга, что «предтечею сего законодателя» был «песнопевец Фалес», что «афинский поэт Тиртей пел, играл на арфе, и воины его, как яростные вихри, стремились на брань и смерть».

Письма Николая Михайловича Ивану Дмитриеву наполовину заняты литературными темами, разбором и оценкой его стихов. В одном из писем 1793 года Карамзин пишет: *«При отъезде в деревню хочу написать тебе несколько строк»* — это в начале письма, а затем следует обстоятельный разговор о стихах, уводящий к принципиальным вопросам литературной теории и мастерства: *«Благодарю за все Петербургские стихоиды и прозаиды. Повторение, скажешь ты. Извини, любезный! но я боюсь, чтобы ты совсем говорить не перестал, по ненависти твоей к повторениям. Ода «С возом», как воз дров; а дрова, как известно, употребляются не на худое. Из политических стихов можно и должно сделать другое употребление (прости мне сей галлицизм).. Я подозреваю, что автор хочет отрыть лавровый венок Василья Тредиаковского, лежащий в пыли и прахе, — отрыть и возложить его на свою пустую главизну.*

*«Жаворонок» очень хорош. Я хотел бы, чтобы стих И о любви не помышляла был глаже, и чтобы вместо вострепелось поставил ты другое слово; надобно сказать вострепенувшись. Пичужечки не переменяй, ради Бога, не переменяй! Твои советники могут быть хорошими в другом случае; а в этом они не правы. Имя пичужечки для меня отменно приятно, верно, потому, что я слышал его в чистом поле от добрых поселян. Она возбуждает в душе нашей две любезные идеи: о свободе и сельской простоте. К тону басни твоей нельзя прибрать лучшего слова. Птичка почти всегда напоминает клетку, следственно, неволю. Пернатая есть нечто весьма неопределенное. Слыша это слово, ты еще не знаешь, о чем говорится: о страусе или колибри. — То, что не сообщает нам дурной идеи, не есть низко. Один мужик говорит пичужка и парень; первое приятно, второе отвратительно. При первом слове воображаю красный летний день, зеленое дерево на цветущем лугу, птичье гнездо, порхающую малиновку или пеночку и покойного селянина, который с тихим удовольствием смотрит на природу и говорит: вот гнездо! вот пичужечка! При втором слове является моим мыслям дебелый мужик, который*

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

**«Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик**

*чесется неблагопристойным образом и утирает рукавом мокрые усы свои, говоря: ай, парень! что за квас! Надобно признаться, что тут нет ничего интересного для души нашей! Итак, любезный мой И., нельзя ли вместо парня употребить другое слово? — Мораль в заключении кажется мне неясною. Из басни следует, что не должно надеяться на чужую помощь; к чему же сказано: не всегда в намерениях будь скор? Разве к тому, что жаворонок не тотчас решил оставить гнездо свое? Но это очень далеко и темно. Вот мои замечания, очень, очень неважные!»*

Наряду со стилистическими и словарными замечаниями Карамзин высказывает общие оценки произведения и принципиальные взгляды на литературу. Он не приемлет официозные проправительственные стихи. «Ода» и «Глас патриота», — пишет он Дмитриеву по поводу его стихотворений, посвященных взятию Варшавы, — хороши. Поэзиею, а не предметом. Оставь, мой друг, писать такие пьесы нашим стихокропателям». В другом письме Карамзин пишет о «Послании» («Не скоро ты, мой друг, дождешься песней новых»): «Возвратившись из деревни, я успел быть очень нездоров и выздороветь; читал пиесу твою и больной, и здоровый; она показалась мне и в том, и в другом состоянии равно хорошею. Благородство в мыслях, связь и свободное их течение в чистом слог: вот ее достоинства».

Карамзину было свойственно обобщать результаты своих размышлений и формулировать требования, предъявляемые им к поэзии и поэтам, особенно в то время, когда он задумывал новое издание и приступал к реализации этого замысла. Так, в 1791 г., начиная выпуск «Московского журнала», он высказал следующую идею: «Высокое парение мыслей вместе с жаром чувства составляет душу лирической поэзии; у нас по большей части ищут в одах пустого грома слов, ищут и не находят». А тремя годами позднее, начиная издавать альманах «Аглая», он в первом же выпуске помещает программную статью, которая называлась «Что нужно автору?». Следует помнить, что в словоупотреблении Карамзина не было столь определенного различия слов «литература» и «поэзия», какое появилось впоследствии. Он использовал слово «поэзия» как понятие видовое в соотношении с более общим — «литература», но вместе с тем нельзя не видеть, что поэзия была для него «сердцевиною» литературы, наиболее чистым воплощением ее глубинной сущности. В огромном количестве случаев оба слова воспринимаются в его языке как синонимы, и, задаваясь вопросом «Что нужно автору?», он формулирует прежде всего

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

требования к поэту. Главная мысль этого относительно небольшого текста достаточно проста и с афористической краткостью и однозначной определенностью сформулирована в последней фразе: *«Дурной человек не может быть хорошим автором»*.

Если поэт не наделен страстью к добру, его не спасут слог, фигуры, метафоры, образы выражения, все, что Карамзин называет *«златою одеждою пышных слов»*, и никогда *«не польется из его творений пламя в нежную душу читателя»*. Именно *«искры страстного человеколюбия»* обусловили то воздействие, которое имели на своих читателей Вольтер, Руссо, Геснер. *«Напротив того, многие другие авторы, несмотря на свою ученость и знания, возмущают дух мой и тогда, когда говорят истину: ибо сия истина мертва в устах их; ибо сия истина изливается не из добродетельного сердца; ибо дыхание любви не согревает ее»*.

Однако особое место в ряду подобных эстетических манифестов принадлежит «Предисловию к альманаху «Аониды». Оно обобщало значительный опыт, накопленный Карамзиным при редактировании предшествующих изданий, и было обращено к *«молодым стихотворцам»*, которым он стремился помочь *«очистить свой вкус и слог»*. Упомянутое предисловие предваряло второй выпуск альманаха, в нем издатель напоминает о том, как была встречена первая книжка, и объясняет, а отчасти и оправдывает то, что в ней, наряду с хорошими стихами, помещались и *«не очень хорошие»*. Но было бы глубоким заблуждением увидеть в его суждениях снижение требовательности к поэтическим произведениям. Напротив, он заботится о том, чтобы взыскательная критика заставляла стихотворцев писать с большим старанием.

*«Не употребляя во зло доверенности моих любезных сотрудников, не употребляя во зло прав издателя, я осмелюсь только заметить два главные порока наших юных муз: излишнюю высокопарность, гром слов не у места и часто притворную слезливость. (Я не говорю уже о неисправности рифм, хотя для совершенства стихов требуется, чтобы и рифмы были правильны). Поэзия состоит не в надутом описании ужасных сцен природы, но в живописи мыслей и чувств...»*

*Не надобно думать, что одни великие предметы могут воспламенять стихотворца и служить доказательством дарований его: напротив, истинный поэт находит в самых обыкновенных вещах пиитическую сторону;*

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

**«Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик**

*его дело наводить на все живые краски, ко всему привязывать остроумную мысль, неясное чувство или обыкновенную мысль, обыкновенное чувство украшать выражением, показывать оттенки, которые укрываются от глаз других людей, находить неприметные аналогии, сходства, играть идеями и, подобно Юпитеру (как сказал об нем мудрец Эзоп), иногда малое делать великим, иногда великое делать малым. Один бомбаст, один гром слов только что оглушает нас и никогда до сердца не доходит; напротив того, неясная мысль, тонкая черта воображения или чувства непосредственно действует на душу читателя; умный стих врезывается в память, громкий стих забывается.*

*Не надобно также беспрестанно говорить о слезах, прибирая к ним разные эпитеты, называя их блестящими и бриллиантовыми, — сей способ трогать очень ненадежен: надобно описать разительно причину их; означить горесть не только общими чертами, которые, будучи слишком обыкновенны, не могут производить сильного действия в сердце читателя, — но особенными, имеющими отношение к характеру и обстоятельствам поэта...*

*Трудно, трудно быть совершенно хорошим писателем и в стихах, и в прозе; зато много и чести победителю трудностей (ибо искусство писать есть, конечно, первое и славнейшее, требуя редкого совершенства в душевных способностях); зато нация гордится своими авторами; зато о превосходстве нации судят по успехам авторов ее».*

Он добивается того, чтобы поэты изображали действительность, правду событий и правду чувств, не впадая в грех подражательства, пробуждая отклик в душах читателей. В том же 1797 г., когда появилось предисловие к «Аонидам», Карамзин написал и приложил к письму к И.И. Дмитриеву (от 10 декабря 1787 г.) философско-эстетический этюд «Мысли о Любви», в котором можно усмотреть по крайней мере одно существенное дополнение к тому, что уже было сказано. Основной тезис сформулирован уже в первых строках: *«Говорят, что писать о любви может только человек, воспламененный любовью. Но в таком страдательном состоянии человек не способен к соображениям: он не обладает свободою ума, необходимою для того, чтобы отделиться от своих ощущений, чтобы вникнуть в них, разобрать, разложить, видеть их цель, совокупность, оттенки».* Карамзин убежден, что изображение эмоций должно быть аналитичным. Следует не просто изливать страсти, но осмысливать их, быть способным оценить их со стороны. В собственных стихах о любви автор проявил



## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

не только стремление, но и способность воплощать этот принцип в творческую практику.

О том же идет речь и в статье «Несколько слов о русской литературе» (1797), имевшей подзаголовок «Письмо в «Зритель» о русской литературе и еще до появления в «Зрителе» посланной автором в гамбургский журнал «Spectateur du Nord». Но здесь Карамзин касается этого предмета, можно сказать, вскользь, а его основное внимание сосредоточено на другом: русские не менее богаты талантами, чем другие народы, и лишь в силу своей скромности не оспаривают пальму первенства у французских, немецких и других литераторов. Карамзин демонстрирует в статье содержательное и жанровое богатство русской поэзии, особенно песен и романсов, отражающих не только круг трогательных чувств, но и своеобразие русского национального характера. *«Во всех этих песнях такт очень размерен и очень разнообразен, все они проникнуты меланхолией и склонностью к нежной грусти, которые свойственны нашему народу и прекрасно выражены в очень простых, очень унылых, но очень трогательных напевах».*

Упоминает Карамзин и былины, которые он называл *«старинными рыцарскими романами»*, очевидно, считая, что такое определение более понятно западному читателю. С той же целью он именуется князя Владимира «нашим Карлом Великим». Но особенно важна содержащаяся здесь характеристика только что обнаруженного «Слова о полку Игореве». Карамзин оказался одним из первых, кто нашел слова, отвечающие действительному значению этого открытия. Поставив эту вещь рядом не просто с поэмами Оссиана, слава которого находилась тогда в зените, но с *«лучшими местами из Оссиана»*, он писал: *«Энергический слог, возвышенно героические чувства, волнующие картины ужасов, почерпнутые из природы, - вот что составляет достоинство этого отрывка»*, - и высказывал убеждение, что *«и до него были на Руси великие певцы, чьи творения погребены в веках».*

После того как Петр Великий сорвал завесу, отделявшую Россию от Европы, *«мы с успехом испробовали силы свои почти во всех жанрах литературы. Есть у нас эпические поэмы, обладающие красотами Гомера, Виргилия, Тасса; есть у нас трагедии, исторгающие слезы, комедии, вызывающие смех; романы, которые порой можно прочесть без зевоты, остроумные сказки, написанные с выдумкой, и т.д.»*. Интересно скептическое объяснение Карамзиным того, что в России *«больше пишут в стихах, нежели в прозе; дело в том, что под*



## **«ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»**

---

### **«Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик**

*прикрытием рифмы более допустима небрежность, что благозвучную песню можно прочесть хорошенькой женщине и что сочинение в прозе должно содержать больше зрелых мыслей».* Нельзя не отметить почти буквальное совпадение этого высказывания Карамзина с тем, что спустя четверть века писал Пушкин: «... проза требует мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ни к чему не служат. Стихи дело другое».

Николай Михайлович Карамзин был в истории русской критики первооткрывателем специфического жанра – творческого портрета, написав серию критико-биографических очерков, публиковавшихся в «Вестнике Европы» в 1802 году под рубрикой «Пантеон российских авторов».

В «Пантеоне российских авторов» особенно заметно объединение научно-критической мысли и художественной таланта Карамзина. Это сочинение оказалось как бы связующим звеном двух этапов творчества писателя, соединив в себе уже разработанные принципы в оценке литературного процесса с появляющимися новыми подходами критического осмысления словесного искусства.

При подготовке этого труда Карамзин опирался на сведения, почерпнутые из «Опыта исторического словаря о российских писателях», выпущенного в 1772 г. Н.И. Новиковым. Разумеется, книги эти не сопоставимы ни по масштабу, ни по характеру. Новиков стремился создать целостную картину русской литературы, им зафиксировано 317 авторов, и В.Г. Белинский имел все основания назвать этот словарь «богатым фактом собственно литературной критики того времени». Как в любом издании, ориентированном прежде всего на охват материала и справочные функции, оценочная сторона и тем более субъективизм конкретных оценок «Опыта исторического словаря» изначально были «обречены» на сведение к минимуму. В «Пантеоне» Николая Михайловича Карамзина 16 очерков, которые никакой целостной литературной панорамы создать не могли, и подобная цель в них не ставилась. Хотя каждый из очерков начинается сведениями о годах рождения и смерти писателя, бесстрастная информационная составляющая отодвинута на задний план. Зато в них неизменно присутствует личность Карамзина, его оценочная шкала, и потому в сравнении с «Опытом» Новикова «Пантеон» Карамзина дает гораздо более тонкое и выразительное представление об эстетической системе и даже эмоциональном мире составителя издания.

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

Хотя Карамзин, конечно, отбирал лучших или по крайней мере достойных авторов, к чему обязывало уже само название издания, оценки, которые получили у него те или иные деятели литературы, отличаются разительно. Безусловно высоко оценен А.Д. Кантемир: *«Наш Ювенал. Сатиры его были первым опытом русского остроумия и слога»*. Свое критическое замечание автор формулирует предельно сдержанно и сам же его смягчает: *«В стихах Кантемировых нет еще истинной меры – долгие и короткие слоги смешаны без разбора – но есть гармония»*.

Напротив, в характеристиках В.К. Тредиаковского пренебрежительное и ироническое отношение к нему прорывается едва ли не в каждом абзаце. Главное, в чем Карамзин на протяжении всей статьи уличает Тредиаковского, из-за чего он многократно посмеивается над ним, – отсутствие дарования. Писатель и учился, и знал древние и новые языки, читал лучших авторов и, по мнению Карамзина, «написал множество томов в доказательство, что он не имел способности писать». Признавая, что труды Тредиаковского были «не совсем бесполезны», и призывая почтить в нем «трудолюбие науки и несчастье природы», Карамзин, однако, заканчивает очерк саркастическим постскриптумом, не оставляющим сомнения в том, каким было внутреннее отношение автора к Тредиаковскому: *«Не многие, может быть, знают следующий анекдот. Екатерина II, любя успехи российского языка, желала, чтобы в избранном обществе «Эрмитажа» все говорили по-русски. Ее воля была законом. Но законодатель должен предвидеть и неисполнение: какое же наказание определила монархиня для преступников? За всякое иностранное слово, вмешенное в разговор, виновный осуждался прочесть сто стихов из «Телемахиды» Тредиаковского»*.

Одним из наиболее глубоких и объективных следует признать очерк о М.В. Ломоносове. Карамзин считал его *«отцом российского красноречия и вдохновенного стихотворства»*, вписавшим *«имя свое в книгу бессмертия, там, где сияют имена Пиндаров, Горациев, Руссо»*. Однако Ломоносов для Карамзина – предмет анализа, но не культа. *«Лирическое стихотворство было собственно дарованием Ломоносова»*, но *«для эпической поэзии нашего века не имел он, кажется, достаточной силы воображения»*, – пишет Карамзин. К трагедиям Ломоносова он также относится сдержанно: они были писаны им *«единственно по воле монархини; но оды его будут всегда драгоценностию российской музы. В них есть, конечно, слабые места, излишности, падения; но»*

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

*все недостатки заменяются разнообразными красотами и пиитическим совершенством многих стрóf. Никто из последователей Ломоносова в сем роде стихотворства не мог превзойти его, ни же сравняться с ним».*

Очень двусмысленна характеристика, которую получил в «Пантеоне» А.П. Сумароков. Карамзин стремится сохранить видимость объективности: он, дескать, только сообщает факты и знакомит со сложившимся отношением к Сумарокову. Сумароков, как считает Карамзин, в свое время пленял публику, *«хотел блистать во многих родах»* (не блистал, а хотел блистать!), и современники ставили его в один ряд с Расином, Мольером, Лафонтеном, Буало. *«Потомство так не думает; но, зная трудность первых опытов и невозможность достигнуть вдруг совершенства, оно с удовольствием находит многие красоты в творениях Сумарокова и не хочет быть строгим критиком его недостатков».*

Характеризуя далее трагедии Сумарокова, Карамзин говорит: *«В трагедиях своих он старался более описывать чувства, нежели представлять характеры в их эстетической и нравственной истине; не искал чрезвычайных положений и великих предметов для трагической живописи, но, в надежде на приятную кисть свою, основывал драму всегда на самом обыкновенном и простом действии <...> и, называя героев своих именами древних князей русских, не думая соображать свойства, дела и язык их с характером времени».*

Именно в критическом творчестве Н.М. Карамзина зародились такие жанры, как проблемная статья (такова, например статья «Что нужно автору», посвященная проблеме творческого дара, статья «Отчего в России мало авторских талантов?») и эссе, очерк, отражающий субъективное восприятие, мир чувств критика. Он предпринял первый развернутый сопоставительный анализ художественных произведений (статья «О Богдановиче и его сочинениях», в которой сравнивается французский роман «История Амура и Психеи» Лафонтена и его русское стихотворное переложение, «Душенька» И.Ф. Богдановича).

Это не только самый обстоятельный анализ творчества поэта из всех, которые оставил Карамзин, но и важная веха в истории русской критики. Обращает на себя внимание широта подхода автора к своему предмету: статья содержит не только характеристику жизненного и творческого пути Богдановича (в связи с недавней кончиной поэта), но и попытку оценить его произведения, дать сопоставительный анализ Богдановича и Лафонтена. Появившись рядом уже на первых страницах статьи, эти два имени в дальнейшем проходят красной

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

нитью через весь текст. Но есть и другие, попутные наблюдения, в частности над «переводами Вольтеровых стихотворений, а всего более – в поэме «На разрушение Лиссабона», которую Богданович перевел так удачно, что многие стихи ее не уступают красоте и силе французских»; или над природой личности поэта: *«Сильный, хороший стих, счастливое слово, искусный переход от одной мысли к другой радуют поэта, как младенца, и нередко на целый день делают его веселым...»*

Последовательно сравнивая Богдановича и Лафонтена, Карамзин видит в них фигуры равновеликие. «Басня» Лафонтена (так Карамзин называет галантную повесть Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона») *«служила образцом для русской «Душеньки»; но Богданович, не выпуская из глаз Лафонтена, идет своим путем и рвет на лугах цветы, которые укрылись от французского поэта. Скажем, без аллегии, что Лафонтеново творение полнее и совершеннее в эстетическом смысле, а «Душенька» во многих местах приятнее и живее».*

Подробный разбор главного произведения Богдановича призван, по замыслу критика, показать, что *«Богданович не рабски подражал образцу своему <...> Жалобы Венеры в русской поэме лучше, нежели во французской сказке <...> Венерино шествие у Лафонтена эскиз, у Богдановича картина <...> Что француз остроумно говорит прозой, то русский не менее остроумно, и еще милее сказал в стихах <...>».* Не подлежит сомнению, что подобные сопоставления, многие указания на то, что Богданович в одном не уступал Лафонтену, а в другом его даже превосходил, преследовали цель поставить его в один ряд с французским классиком.

С нескрываемым удовлетворением Карамзин напоминает и о том, что «Душенька» «единогласно была прославлена всеми любителями русского стихотворства», что она принесла автору всякого рода милости со стороны Екатерины II. Тем не менее присущая Карамзину-критику объективность не позволила ему обойти молчанием недостатки и слабые места поэмы, хотя он стремился, чтобы это не подорвало ее общую высокую оценку: *«Заметив хорошие и прекрасные места в «Душеньке», скажем, что она, конечно, не вся писана такими счастливыми стихами; но вообще столь приятна, что благоразумный критик, чувствительный к красотам искусства и дарования (а суд других есть пустословие или злословие), не захочет насчет нее доказывать*

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

**«Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик**

*своей тонкой разборчивости и не забудет, что Ипполит Богданович первый на русском языке играл воображением в легких стихах».*

Спустя 13 лет эта оценка была буквально повторена К.Н. Батюшковым: *«Стихотворная повесть Богдановича – первый и прелестный цветок легкой поэзии на языке нашем, ознаменованный истинным и великим талантом».* Решающее значение для последующего длительного влияния поэмы на литературное развитие имело то ее прочтение, которое утвердила статья Карамзина. В ней обстоятельно прослежены различные эпизоды биографии Богдановича: его воспитание, детские увлечения, продвижение по службе, смена мест жительства: пребывание в *«счастливых странах Малороссии»*, переселение в Курск, наконец, детали болезни и смерти. И завершается она утверждением, что потомству, *«любителям русских талантов»* Богданович будет известен как творец *«Душеньки»*. Этот прогноз Карамзина оказался безошибочным.

Карамзинская критика ничуть не похожа на сочинения Тредиаковского или Сумарокова, содержащие педантичные пословные разборы поэтических текстов и адресованные не любопытствующим читателям, а сведущим литераторам. Карамзин обращается именно к читателям — ценителям изящного, чей вкус он стремится образовать. Художественное произведение для Карамзина — не воплощение абстрактных правил, а выражение души автора.

Абстрактных «законов» словесности не существует, каждый автор творит свои собственные «правила». Критерий Карамзина-критика — насколько произведение трогает душу, подлинный судья — вкус. Его оставляет равнодушным «громкая» одическая поэзия, иерархия жанров для него не существует. В словесности он ценит чувствительность и легкость. Н.М. Карамзин — один из первых русских критиков, выдвинувших перед литературой задачу изучения человеческого сердца. Ему в заслугу поставила история и то, что он ввел в практику русской критики оценку с точки зрения эстетики как науки: *«Эстетика есть наука вкуса, ... эстетика учит наслаждаться прекрасным».*

В числе причин, затрудняющих развитие русской литературы, Карамзин в статье *«Отчего в России мало авторских талантов?»* называет и отсутствие доброжелательной критики. Вот почему критику, считает он, следует *«более хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно».* Позже, в 1818 году, он говорил, что *«только ум превосходный открывает бессмертные*



## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

*красоты в произведениях. Где нет предмета для хвалы, там скажем все – молчанием».*

Вопрос о необходимости критики решается у Карамзина на эстетическом и этическом уровнях. Сам писатель в исследовательских разборах дает пример критики – строгой, компетентной, беспристрастной и одновременно уважительной и тактичной. Особенно деликатен издатель и критик с женщинами-писательницами и молодыми авторами, в отдельных случаях он прощает им мелкие недочёты.

Часто исследователи Карамзина видят в корректности критических выступлений писателя недостаток, считают его критику слишком мягкой. Но когда он имеет дело с откровенно антихудожественной продукцией, перо Карамзина заостряется, становится язвительным и ироничным, иногда – открыто сатирическим, но верный себе, Карамзин по-прежнему ведет свою эстетическую борьбу предельно тактично.

Осенью 1799 года Карамзина в его квартире на Никольской улице посетил молодой поэт, купеческий сын из Казани Гаврила Петрович Каменев. Он оставил подробное описание своего посещения. Это почти единственное мемуарное свидетельство о домашнем быте Карамзина до его женитьбы.

Каменев пишет своему другу, казанскому литератору С.А. Москотельникову, что к Карамзину он пошел по рекомендации И.В. Лопухина, а сопровождал его сын И.П. Тургенева Николай, десятилетний мальчик: «В прошедшем письме обещал я вам сообщить подробности визита моего у г.Карамзина. Вот они. В половине двенадцатого часу с старшим сыном г.Тургенева поехали мы на Никольскую улицу и взошли в нижний этаж зелененького дома, где г.Карамзин нанимает квартиру. Мы застали его с Дмитриевым, читающего 5-ю и 6-ю части его «Путешествия», которые теперь в Петербургской цензуре и скоро, вместе с «Московским журналом», будут напечатаны. Увидевши нас, Карамзин встал из вольтеровских кресел, обитых алым сафьяном, подошел ко мне, взял за руку и сказал, что он любит знакомиться с молодыми людьми, любящими литературу, и, не давши мне ни слова вымолвить, спросил: не я ли присылал ему перевод из Казани и печатан ли он? Я отвечал и на то, и на другое как можно короче. После сего начался разговор о книгах, и оба сочинителя спрашивали меня наперерыв: какие языки мне известны? где я учился? сколько времени? что переводил? что читал? и не писал ли чего стихами? Я отвечал, что перевел оду Клейста... Карамзин спросил Тургенева, перевел ли он переписку Юнга с Фонтенелем из



## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

«Философии природы», и начали говорить о сей книге, которой сочинителя он не любит. Вот слова его: «Этот автор может только нравиться тому, кто имеет темную любовь к литературе. Опровергая мнения других, сам не говорит ничего сносного; ожидаешь много, приготовишься — и выйдет вздор. Нет плавности в штиле, нет зернистых мыслей; многое слабо, иное плоско, и он ничем «небрильирует». Карамзин употребляет французских слов очень много; в десяти русских есть одно французское. *L'imagination, sentiments, tournament, energie, epithete, expression, exeller* и прочее повторяет очень часто. Стихи с рифмами называет побежденною трудностию; стихи белые ему нравятся. По его мнению, русский язык не сотворен для поэзии, а особливо с рифмами; что окончание стихов на глаголы ослабляет экспрессию. Перебирая людей, имеющих в Казани свои библиотеки, о Вас упомянул я и сказал, что трудитесь в переводе Тасса. «Да не стихами ли?» — спросил Дмитриев. Я отвечал, что прозою, с перевода Лебрюнова, и Карамзин признал этот перевод за самый лучший. Дмитриев хвалил Фон-Визина, Богдановича, но Карамзин был противного мнения, и когда первый читал несколько стихов из поэмы «На разрушение Лиссабона», переведенных, как он говорит, Богдановичем, то он критиковал стихи, называя их слабыми и проч.

Он росту более нежели среднего, черноглаз, нос довольно велик, румянец неровный и бакенбарт густой. Говорит скоро, с жаром и перебирает всех строго. Сожалеет, что не умел воспользоваться от своих сочинений. Дмитриев росту высокого, волосов на голове мало, кос и худощав. Они живут очень дружно и обращаются просто, хотя один поручик, а другой генерал-поручик. Прощаясь со мной, просил меня, чтоб я чаще к нему ходил».

«Октября третьего дня ясделал визит г.Карамзину, и принят им столь же хорошо, как и в первый. Севши в вольтеровские свои кресла, просил он меня, чтобы я сел на диван, возвышенный не более шести вершков от полу, где, как карла перед гигантом, в уничижительнейшем положении, имел удовольствие с час говорить с ним. Г.Карамзин был в совершенном дезабилье: белый байковый сюртук нараспашку и медвежьи большие сапоги составляли его одежду. Говоря о новых французских авторах (которых я очень мало знаю), советовал мне читать их, утверждая, что ничем не можно столь себя усовершенствовать в истине, как прилежным чтением. Советовал мне сочинять что-нибудь в нынешнем вкусе и признавался, что до издания «Московского журнала» много бумаги им

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

перемарано и что не иначе можно хорошо писать, как писавши прежде худо и посредственно. Журнал его скоро выйдет новым тиснением.

Комнаты его очень хорошо убраны и на стенах много портретов французских и итальянских писателей, между ними заметил я Тасса, Метастазия, Франклина, Буфлера, Дюпати и других беллетристов».

Учителем, мэтром воспринимался молодыми литераторами Карамзин и в столицах, и в провинции.

Хотя в творческом наследии Карамзина литературно-критические статьи занимают в количественном отношении относительно скромное место, они дают существенное и достоверное представление об эстетической системе Карамзина как о своеобразном и значительном явлении. Они позволяют видеть, что Карамзин-критик сочетал в подходе к оценке поэзии своих предшественников и современников доброжелательность и требовательность, широту и историзм осмысления литературных явлений и способность судить их с позиций сегодняшнего дня. Уроки карамзинской критики еще далеко не осознаны и не исчерпаны. Ему в истории русской критики принадлежит весьма почетное место. В.Г. Белинский даже считал его «первым критиком и, следовательно, основателем критики в русской литературе». Эту мысль разделяют и исследователи русской критики: «именно ему (Карамзину) пришлось заново создавать и жанры, и приемы» критики (Б.Ф. Егоров); «критическая статья, обозначенная своей художественной формой, законом своей композиции и художественной выразительностью своего стиля, появляется у нас лишь в карамзинский период» (Л.П. Гроссман).

Несмотря на то, что Карамзин-критик был вдохновителем сентименталистского направления, он выдвигал и такие эстетические идеи, которые были шире его писательской практики, опережали свое время и служили будущему развитию русской литературы. Он сам осознавал, что его собственная деятельность является звеном в исторической цепи преемственных явлений. Карамзин не оставил ни крупных исследований в области литературы, ни систематического курса словесности, однако его теоретические взгляды и суждения оказали большое влияние на развитие русской литературы и литературной науки XIX в. Его работы положили начало эстетическому направлению в развитии русской теоретико-литературной мысли.

Критическую деятельность Н.М. Карамзина нельзя оценивать и строго судить с позиций современного уровня литературной критики. Это во многом еще истоки

## «ДОКАЖИ СУДЬБЕ, ЧТО МОЖЕШЬ БЫТЬ ВЕЛИК ДУШОЮ»

---

### «Принципиально и настойчиво»: Карамзин - литературный критик

отечественной критики, и Карамзин выступает первопроходцем в этом виде деятельности, как во многих других областях своего многогранного творчества. Принадлежа к истокам, деятельность Карамзина одновременно явилась вершиной развития русской литературно-художественной критики XVIII века.

#### ИСТОЧНИКИ:

- Белинский, В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Статьи вторая и третья // В.Г. Белинский Собрание сочинений. В 9-ти т. Т.6. – Москва: Художественная литература, 1981. – С. 74-219.
- Гуковский, Г.А. Русская литература XVIII века: Учебник. - Москва: Аспект-пресс, 1999. – 195 с.
- Карамзин, Н.М. Избранные статьи и письма / Н.М. Карамзин. – Москва: Современник, 1982. – 351 с.
- Карамзин, Н.М. Сочинения. В 2-х т. / Н.М. Карамзин. – Ленинград: Художественная литература, 1984.
- Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л.А. Сапченко. – Санкт-Петербург: РХГА, 2006 – 715 с.
- Коханова, С.Б. Н.М. Карамзин – литературный критик: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Москва, 1992. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/n-m-karamzin-literaturnyy-kritik#ixzz41dC0Qin4> . – 02.02.2016.
- Критика XVIII века. – Москва: АСТ, Олимп, 2002. – 448 с.
- Лотман, Ю.М. Карамзин : Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957-1990. Заметки и рецензии / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1997. - 827 с.
- Муравьев, В.Б. Карамзин / В.Б. Муравьев. – Москва: Молодая гвардия, 2014. – 502 с.
- Очерки истории русской литературной критики в 4-х т. Т.1. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – 367 с.
- Подойницына, О.Э. Проблемы поэзии в литературно-критических статьях Карамзина // Научная библиотека КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-poezii-v-literaturno-kriticheskikh-statyah-karamzina> . –29.03.2016.